

Григорий Барац

Йойлик

Кто и когда посадил во дворе на Троицкой абрикосовые деревья, помнили только старые Темногороды: маленькая полная, седая Лывша – родная сестра моей бабушки Ханы, и ее муж – лысый чахоточный сморчок Йойлик. По неписаным дворовым понятиям именно они распоряжаются урожаем этой фрукты-вкуснятины. Только с их разрешения начинается сбор спелых абрикосов.

Ухватиться за толстый ствол дерева, высаженного, вероятно, между двумя мировыми войнами, мне, семилетнему пацану, было не по силенкам. Йойлик подставил к дереву сколоченную им стремянку. Надел мне на шею авоську. Сунул в карман моих «семейных» трусов бельевую веревку. И шлепком отправил меня наверх, приговаривая:

– Шмаркетынык, лазай не выше неба, падай не ниже земли.

Ветер раскачивает карабкающееся по тонким ветвям мое воздушное семилетнее тельце послевоенного болезненного пацана. И только когда голова показывается над верхушкой дерева, застываю наедине с прозрачной Вселенной. Утреннее июльское солнце ласкает теплыми лучами маковки Преображенского собора и мою стриженную под бокс макушку. Дневной морской бриз нежно обдувает меня и уносит соленую прохладу в степь за Дюковским садом. Мечтательная душа моя замирает над покоем мироздания.

Стук сторожевой колотушкой по дереву и скрипучий голос Йойлика возвращает меня к абрикосам. Оранжевые шарики с красноватым односторонним загаром ложатся мне в ладошку, как только я подставляю ее. Оттуда без промедления – в рот. И тут же снизу доносится голос Йойлика:

– У тебя попа не слипнется?

Сверху вниз прицельно летит абрикосовая косточка.

Наполненная авоська спускается к Йойлику. Он пересыпает абрикосы в жестяное ведро и дергает за веревочку. С ловкостью кошки я перелезаю на ветку пониже. Отсюда сквозь балясины галереи второго этажа видна Лывша, восседающая на двух рядом стоящих табуретках. Перед ней в оцинкованном корыте плавают добытые мной абрикосы. Рядом стопка старых газет.

Кряхтя, она нагибается за каждым абрикосом и, обтерев кухонным полотенцем, кладет в подол, приговаривая:

– Оно мне надо?

И сама себе отвечает:

– Эти засранцы сожрут их немытыми. А евреи будут, как всегда, виноватые потом за их дизентерию.

Отсчитав с полсотни абрикос, она ловким движением сворачивает из газет здоровенный куль и, пересыпая в него абрикосы, кричит на весь двор:

– Задорожный, квартира один. Приготовиться Цукерману, квартира два.

Урожай – десять-пятнадцать кульков с одного дерева – снят, но слезать не хочется. Усевшись на разлапистых ветвях и раскинув руки, я взлетаю в бездонную прозрачность неба, обгоняя стрижей и огибая облака.

– Нет, он таки да хочет шмякнуться на землю, – запрокинув плешивую голову, обращается вверх Йойлик, прерывая мой полет, и кричит: – Слезай, шибэник!

Просто спускаться было скучно. Перепрыгивая с ветки на ветку, которые почти не гнутся подо мной, я раскачиваюсь, как на качелях. Прислонившись к стволу дерева, меня терпеливо ждет Йойлик. В его руках два кулька – расчет за мое же удовольствие.

– Оглянись, – командует он. – Хвост видишь? Нет? Отрастет. Человек возвращается в обезьяну, если волюндаться без дела. Приходи ко мне в подвал. Научу тебя не абрикосы, а деньги зарабатывать.

Когда-то весь дом принадлежал богатому семейству Темногородов. Отец Йойлика, купец первой гильдии, торговал орловскими рысаками. Мама держала шинок и магазин винного уксуса.

По всему периметру двора на первом этаже были устроены добротные утепленные конюшни. Над ними – квартиры. Шести-комнатную занимали хозяева. Двухкомнатные сдавались работникам, без оплаты. Пришедший к власти гегемон «уплотнил» бывших хозяев до двух комнат. Конюшни превратились в крохотные коммунальные квартиры.

Из эвакуации Темногороды вернулись в Одессу одними из первых, к концу лета. Семья уменьшилась на двух погибших на фронте сыновей – младшего Гришу и старшего Изю. Покалеченным вернулся лишь средний – Миша. Отбить удалось лишь часть квартиры, в которой жили до войны. Зато на подвал рядом с подъездом не претендовал никто.

О подвалы! Темные укрыватели светлых идей деловых людей в мрачные времена советской экономики. Покинутые, захламленные и замусоренные, вас вычищали и выскабливали ради верстака, станка, инструмента. Скольких людей вы приютили, спасли и накормили! Сколько идей помогли материализовать, превратить в то, что можно съесть, надеть, чем согреться!

Несколько протоптанных посредине ступеней, на которых проступает мраморной крошкой выложенная надпись «SALVE», ведут к дубовым двустворчатым воротам. Над ними художественное творчество самого Йойлика – с трудом узнаваемые тазики, чайники, самовары, секачки, мясорубки, ножи, прочая домашняя утварь. И им же сочиненная надпись: «Чиним, паяем, лудим починяем все. Точим ножи, ножницы, бритвы правим. Мелкий ремонт примусов с запчастями заказчика».

Волшебный мир йойликовского подвала был неожиданно светлым. Выскобленный дочиста ракушняк мерцает перламутровыми включениями. Освещение – несколько керосинок, стоящих в небольших полукруглых нишах, выдолбленных в стенах. Над их стеклянными колбами поток теплого воздуха вращает разноцветные бумажные крыльчатки. Смолистый лесной запах канифоли сизым дымком курится над кудесником, возвращавшим жизнь убитым и искалеченным посудинам.

– Вот так и люди, – вещает Йойлик, – ты их сколько ни мни, ни калечь, они все одно – от тепла и заботы выпрямляются.

Он бросает смешливый взгляд поверх рамки очков и спрашивает:

– Ты кем хочешь быть? – и сам за меня отвечает: – Конечно, летчиком, танкистом, в крайнем случае автоматчиком. Нет, это таки да нужно. Таки да главное, чтобы не было войны. А каким грустным бывает мир, ты не знаешь – ты пацан.

Йойлик редко бывает один. Не отказывает никому, кроме тех, кто не умеет его слушать. Усаживает на допотопное кресло, перетянутое черным дерматином, и, колдуя над очередной рухлядью, бормочет, как бы сам себе под нос, незаметно поглядывая на посетителя. Диапазон тем его вещания начинается с цен на Привозе и не заканчивается международной обстановкой. Кое-что у него в запасе, когда мы остаемся вдвоем.

То, что он говорит, я понял, и не только понял, но и убедился в его мудрости и прозорливости много лет спустя. Вероятно, он и рассчитывает именно на такой пролонгированный эффект.

– Понимаешь, малек, мишпуха наша гегемонская, она же до сей поры на Олимпе себя не чувствует. Победитель – он к побежденным милосердие имеет. А они гнут нас и в бога, и в душу. Гнобят праведных и неискушенных и, того не ведая, тем себе яму роют. Боятся они нас, «побежденных». Потому и держат круговую оборону: менты, гебисты, вояки, политпрос. На штыках и дуриловке держатся. Убери эти подпорки – и рассыплется диктатура ихняя, как колосс на глиняных ногах. Мне не дожить, а ты это увидишь.

Шабашит Йойлик, когда до захода солнца остается не более получаса, будь то зимой или летом. Аккуратно пересчитывает дневную выручку, поплеывая на пальцы. Записывает в амбарную книгу доход-расход. Разрезает газетный лист на несколько частей и заворачивает в них мятые купюры. Запирает ворота на железный засов с пудовым замком. Бредет к остановке двадцать восьмого трамвая на Старапортофранковской. Едет до конечной у Пересыпского моста, под которым сиротливо ютятся рядом с пивной единственная в Одессе синагога. Топчется, переминаясь с ноги на ногу, в маленьком вестибюле, пытаюсь, как он говорил, выбросить из головы житейскую чепуху. Подходит к пушкэ – шкатулке для пожертвований. Опускает в нее один из пакетиков и лишь тогда заходит в молитвенный зал.

Домой мы идем пешком, с одной небольшой остановкой. На Тираспольской Йойлик заходит в неосвещенную подворотню,

где его ждет похожий на тень тип в шляпе. Сквозь решетку ворот в сгущающейся темноте я замечаю, как еще один пакетик денег перекочевывает из кармана Йойлика в руки незнакомцу.

– Понимаешь, шкиля-макарона, – обращался он ко мне, выйдя на улицу. – Если ты запустил руку в бочку с медом, дай четыре пальца облизать всем стоящим вокруг. Тогда ты спокойно сможешь облизывать свой пятый палец. А иначе тебе руку по локоть откусят. И спасибо скажешь, если без головы.

Как в промокашку, впитались в мою память побасенки старого еврейского ремесленника. Хотя значение их стало понятно много лет спустя.

– Открой уши, слушай сюда и запоминай. Потом расшифруешь. Нет никаких социализмов, капитализмов, империализмов и других измов. Есть работа и деньги за работу. Они должны идти навстречу друг другу, они должны встречаться. Если между ними появляется начальник, ни работы толковой не будет, ни зароботка. Это не я, это другой еврей сказал. А измы придумали те, кто делает все, чтобы ничего не делать и деньги на шару получать. У проклятых буржуинов каждый должен сам себе прибыль добывать. А наши бездельники ложечку зарплаты ждут, а за добавку начальникам задницы вылизывают.

Пожар в подвале начался, когда Лывша подала на стол куриный бульон с кнедликами. Йойлик встал из-за стола. Поцеловал Лывшу. Он всегда целовал ее после обеда. Он не торопился. Отодвинул тарелку. Многоголосье криков «пожар!» становилось все громче. Бежать не мог. Переваливаясь с ноги на ногу и тяжело дыша, подошел к толпе, окружившей вход в подвал. Соседи расступились. Черный дым вылизывали острые язычки пламени. Не сошел, не сбежал – Йойлик скатился в подвал. И только после того, как он исчез, толпа выдохнула изумленное «о-о-о-й».

Произошло это в июле, в самый разгар абрикосового сезона года, ознаменованного окончанием правления самого кровавого коммунистического вождя. Расследование с заведомо известным результатом проводил участковый милиционер: «Сам виноват – пожалел денег на электричество, керосинка опрокинулась и подпала». Никто не ответил на мой вопрос, почему ворота были открыты, если, уходя на обед, Йойлик запер их на замок. И что

за необычные посетители в выглаженных брюках поверх сапог, с напояженными волосами под фетровыми шляпами с черной лентой над полями зачастили к нему незадолго до пожара.

Понадобилось всего несколько десятилетий, чтобы предсказания кустаря-единоличника сбылись. Империя треснула и раскололась. Рулевые, правда, остались при власти и собственности. И все же обратный отсчет перехода к нормальной жизни начался.

В подвале обосновалась фирма «Рембыттехника», которая преобразовалась в кооператив. Во дворе все так же растут йойликовские абрикосы. И мальчишки все так же лазят по деревьям, чтобы сменять абрикосы на рыбацкие снасти.

